

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГНОСТИЧЕСКОГО ДЕМИУРГА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «Т»

Кубышкина В.О.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1), e-mail: v4789@yandex.ru

Статья посвящена анализу мотивов гностической философии в романе В. Пелевина «Т». Идейным центром романа является конфликт Творца и творения, в которых угадывается гностический Демиург, создатель несовершенного мира, и пневматик, познавший истину о Вселенной. Среди множества гностических тенденций интересно учение Валентина, ярко репрезентированное в «Т». Одна из концепций античного мыслителя – представление о бесконечном числе возможностей воплощения мира. В художественном тексте отмечается проявление центральных идей Ж. Деррида, в частности идеи о мире как тексте и деконструкции. В романе В. Пелевина текст равнозначен самой жизни, поскольку создается Демиургом-писателем. Один из аспектов деконструкции – устранение оппозиции – вводится в роман как уравновешивание сил Демиурга и человека.

Ключевые слова: современная отечественная литература, мифопоэтика, гностицизм, постмодернизм

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF GNOSTIC DEMIURGE IN V. PELEVIN'S NOVEL «T»

Kubishkina V.O.

North-Caucasian federal university, Stavropol, Russia [355009, Stavropol, Pushkina St. 1], e-mail: v4789@yandex.ru

The article is dedicated to analysis of gnostic philosophy motives in novel «T» by V. Pelevin. The ideological center of the novel is conflict between Creator and creature, in which we can reveal gnostic Demiurge, the Creator of the world, and Pneumatic, who knew the truth about the Universe. Among many gnostic tends Valentin's doctrine is interesting and represented in «T» novel. One of the ancient philosopher's conception is an idea about eternal number of world embodiment opportunities. In literary text we can note the representation of J. Derrida's main ideas, particularly the concepts of world as a text and deconstruction. In V. Pelevin's novel text is equal to the world, because it's created by Demiurge-writer. One of the deconstruction's aspects – eliminating the opposition – is introduced in the text as an equilibrium of God's and human's forces.

Keywords: modern Russian literature, mythopoetics, Gnosticism, Postmodernism

В современном литературном процессе В. Пелевин занимает видное место. Его романы, сочетающие буддизм, мистику и символы массовой культуры, привлекают внимание читателей.

Иллюзорность, пустота бытия, описываемые в текстах В. Пелевина, – не столько творческий прием, сколько меткая характеристика самого автора. «Он писатель больше, чем личность», — говорит китаевед Б. Виноградский, знакомый В. Пелевина. Отрешенность, отшельнический образ жизни, редкие интервью вводят в заблуждение почитателей его таланта, заставляют ставить под сомнение сам факт существования В. Пелевина. Не это ли реализация известной теории Р. Барта, который вслед за Ю. Кристевой впервые заговорил о «смерти автора»: в мире художественного произведения нет личности писателя с его биографией, эмоциями, интересами; вместо живого человека в тексте фигурирует скриптор, тот, кто владеет письмом, кто переводит явления окружающей реальности на язык художественной изобразительности.

Противоречивая Вселенная романов В. Пелевина, где реальность и иллюзия взаимно проникают друг в друга, сродни несовершенному миру людей, сотворенному, по гностической традиции, Демиургом.

Цель статьи – попытка интерпретировать роман В. Пелевина «Т» через гностическую идею бунта человека, отягощенного земным существованием, против своего создателя.

Если в христианской традиции Бог – Верховный Творец, то в гностицизме Он неявлен миру. Среди множества гностических концепций эта мысль нашла последовательное развитие в учении Василида. В изложении Ипполита, космогония Василида строится вокруг образа «не-сущего» Бога по принципу *O creation ex nihilo*. «Мир возникает в прямом смысле из ничего, причем и сам сначала также является ничем, неким не-сущим мировым семенем, возможностью всего. «В этом семени, – говорит Ипполит, – Богом было заложено все то, что можно было уже назвать, и все то, о чем ничего нельзя было сказать, поскольку оно еще не проявилось, и соответствовало тому миру, который должен был еще с необходимостью возникнуть из этого семени, и в положенный срок должен был вырасти и развиваться» [1, с. 274–275].

Неявленному Богу противопоставлен Демиург, второстепенная духовная сущность. Бренность земли – проекция слабости и несовершенства ее создателя. Ирония состоит в том, что Демиург, задумавший план мироустройства, не подозревает о небесной иерархии и, оказавшись в пустоте (кеноме, нижней границе Вселенной, по гностикам), мнит себя Истинным Творцом.

В романе «Т» этот образ своенравного Бога, создавшего для человечества невыносимое бытие, исполненное страданий, трансформируется в русле постмодернистской эстетики.

Демиург В. Пелевина – это дух Ариэль, пишущий роман о происходящих с главным героем событиях. Жизнь равнозначна тексту, и если произведение постмодернизма устроено по игровому принципу, насыщено множеством аллюзий и ассоциаций, нацеленных на внимание вдумчивого читателя, то книга В. Пелевина не исключение. Метафора книги жизни встречается, к примеру, у М.Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени», где упоминается восточная легенда о том, что судьба человека написана на небесах.

В случае с современным произведением классическая метафора буквализируется в соответствии с законами постмодернизма, один из которых – представление Ж. Деррида о мире как тексте. В романе «Т» эта мысль прямо озвучивается: «Я начал создавать мир как текст» [7, с. 209], т.е. то, что написано – единственно существующее.

Интересно, что в традициях гностицизма Демиург наделяется человеческими чертами: Ариэль ведет себя как писатель, отнюдь не посвятивший себя искусству, но преследующий коммерческий успех. А когда сделка по осуществлению литературного проекта срывается,

создатель мира предстает перед главным героем как жертва расправы. «Как только подтвердилось, что лицо Ариэля несет на себе следы побоев, оно утратило мистическое величие космического объекта» [7, с. 136]. Символическое принижение божества не случайно: А.Ф. Лосев, рассматривая гностицизм как разновидность персонализма, называет Демиурга «абсолютной личностью», которая «почему-то начинает действовать совершенно человечески, со всеми недостатками, ошибками..., свойственными ограниченному природному человеку» [6, с. 315]. Причем явление в человеческом виде вызвано необходимостью спасения мира.

Среди гностических течений здесь уместно назвать учение Маркиона. В его интерпретациях посланий апостола Павла, Евангелия от Луки, а также в сравнении текстов Ветхого и Нового заветов видна гностическая тенденция. Противопоставления закона благодати превратилось в учение о двух богах, один из которых – Бог Ветхого Завета, строгий судья, другой – Истинный Бог, неведомый миру, но явившийся на землю. «И Он спасает людей: не всех, а тех, кто по Закону Демиурга является грешником, но ведет аскетическую жизнь...» [5]. Демиург напоминает юнгианского Яхве, который стремится принять на себя человеческие качества и превратиться из бессознательного объекта в воспринимающего субъекта (о чем пишет К.Г. Юнг в работе «Ответ Иову»).

В «Т» «вочеловечивание» Ариэля необходимо, чтобы начать диалог с главным героем – графом Т., который является ключом к спасению: принесение Т. в жертву древнему божеству должно завершить мировой цикл. Этот ритуал наводит на мысль о мифе умирающего и воскрешающего бога (Е.М. Мелетинский), согласно которому символическая смерть и возрождение дают начало новому витку вселенского развития.

Для Ариэля этот ритуал – продолжение своего бытия в новом качестве. Трансформация освобождает от прошлой роли, дает шанс возродиться на более высоком уровне. Призвание творца-писателя, создающего мир, – настоящее проклятие. «Дедушка полагал страшнейшим из грехов создание новых существей, появление которых инициировано не Богом, а кем-то еще... Поэтому наказание для так называемых земных творцов заключается в том, что именно их душам впоследствии приходится играть героев, выпекаемых другими демиургами» [7, с. 67]. Не исключено, что Ариэль уже наказан, играя роль персонажа, вымышленного другим Создателем (не самим ли В. Пелевиным?). Здесь репрезентируется и гностическая, валентинианская, концепция духовной иерархии с многочисленными эманациями и буддистское учение о карме.

Итак, мир, творимый Демиургом, – это не просто окружающая реальность, подчиненная течению времени, тленная и беспросветная. Это реальность, оформленная в тексте. «Поскольку, как не устают повторять Деррида, “ничего не создается вне текста”..., то

и любой индивид в таком случае неизбежно находится “внутри текста”, т.е. в рамках определенного исторического сознания, что якобы и определяет границы “интерпретативного своеволия” любого индивидуального сознания, в том числе и сознания литературного критика» [4, с. 22]. Дальнейшее сопоставление концепции художественного мира В. Пелевина с концепцией Ж. Дерриды неизбежно подводит к главному учению мыслителя о деконструкции. Помимо многочисленных вариантов обоснования «деконструкции», у Ж. Дерриды есть понимание ее как обращение с бинарными оппозициями, которые устраняются путем уравнивания ее членов. Сама же оппозиция переходит на уровень не ее наличия, а возможности, скорее даже – отсутствия.

Философ верил в первичность письма по отношению к речи, к языку. Более того, «письмо – это констатация отсутствия вещи, одновременно и зло, и благо, тот запас, который везде прорабатывает истину феноменов, производит и восполняет ее» [3].

У В. Пелевина замещение отсутствующей реальности письмом блестяще решается через гностическую категорию пустоты (кеномы): Демиург вторит мир в нижнем ярусе Космоса, в сфере небытия – Ариэль моделирует действительность графа Т., являясь ему в кромешной тьме (на корабле княгини, в вечерних сумерках в цыганском таборе).

Вскоре и сам Т., воскресая из мертвых, прежде чем вернуться в мир, творит его из ничего: «Т. пришел в себя. И сразу же понял, что напрасно это сделал – вокруг ничего не было» [7, с. 156]. Кенома, пустота – точка отсчета для записи нового бытия, это перспектива возможностей, среди которых следует выбрать единственно правильную для существования идеального мира (о чем писал Василид).

Ж. Деррида сравнивает человеческое и божественное начала как вероятные стороны оппозиции: человек не способен постигать смысл бытия и собственных поступков интуитивно и непосредственно. «Творец Вселенной не имеет различия между творимым бытием и смыслом бытия, они для него едины» [3].

Подобную оппозицию можно встретить и у гностиков: человек, не согласный с мироустройством, противопоставлен своему создателю. Однако если у французского мыслителя фигурирует человек «конечный», то у гностиков замысел Демиурга раскрывает пневматик, избранный, духовный человек. Таковым в романе В. Пелевина выступает граф Т., в котором угадываются приметы Л.Н. Толстого. Чтобы стать равным Творцу, Т. следует познать собственную роль в мире: он путешествует в Оптину Пустынь, но не помнит, с какой целью. Гносис, знание о Вселенной – не только высшая ценность пневматика, но и способ освобождения из земного плена.

Ариэль скрыл гносис, ведь странствие должно закончиться для Т. гибелью. Духовные поиски Т., в конце концов, уравнивают его с Творцом.

В мифологической системе личность проявляет себя через нарушение запрета. Герой В. Пелевина выходит из-под контроля Демиурга, меняя свою судьбу: Ариэль планировал написать роман о возвращении Т. в лоно церкви. Из биографии Л.Н. Толстого известно, что он отказывался принимать сложную иерархию церковных чинов. «Как же я могу верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы о своей душе она отвечает жалкими обманами и нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь...» [2, с. 351]. Если Т. – действительно Л.Н. Толстой, то, по логике прототипа, его возвращение к церковной жизни невозможно представить как мгновенную развязку духовных мытарств сильной личности.

Поведение героя вопреки «сценарию» Ариэля нарушает общий порядок. Зная правду, Т. начинает действовать в своих интересах. Богоборческий мотив романа позволяет провести параллель с «Ответом Иову» К.Г. Юнга, где заметна гностическая тенденция. Секрет победы над Демиургом кроется в отношении к нему человека. У К.Г. Юнга Иов видит в Яхве и доброе, и злое проявление. «Яхве – не раскол, а антиномия, тотальная внутренняя противоречивость, выступающая... условием его... динамизма, всемогущества и всеведения» [8]. В поисках себя Т. сначала не хочет верить в злую природу Творца мира: «Каким бы ни был создатель, ... ему следует покориться... Не стоит в гордыне считать себя умнее мириадом... людей... Ариэль, светлый ангел... Хочется верить, что светлый... Если я иду к тебе – значит, это не я хочу тебя увидеть, а ты сам во мне желаешь, чтобы я нашел тебя» [7, с. 56]. До тех пор, пока Т. верит в могущество Ариэля, второй является Демиургом. Но, когда тайна раскрывается, Ариэль слабеет, уравниваясь с Т. в творческой мощи. «Бытие действительно, лишь если кем-то осознается. Поэтому-то Создателю и нужен сознающий человек» [8]. В романе этот принцип реализуется в рассказе Кнопфа о возникновении монотеизма и его преимуществе перед вещественными идолами: мысль об идеальной духовной сущности живет в сознании и потому непоколебима.

Согласно этой логике и мир существует только благодаря воспринимающему сознанию. Это ярко показано в эпизоде сотворения реальности графом Т. после его убийства.

И здесь вновь стоит вспомнить об учении Василида: творимое, «записанное» бытие Т., или Ариэля, или целой бригады сподвижников Демиурга, – всего лишь субъективная точка зрения. Следовательно, истинного, цельного мира нет. Для его создания нужен коллективный, единый Разум, «мистерия человека», идея, отраженная в экстравагантном блюде княгини Таракановой – дракона, составленного из множества мелких рыбок. Такое глобальное видение мироздания подвластно Читателю – не конкретной личности в романе, но божественной способности воплощать увиденное, наблюдаемое при чтении. Читатель

вечен и противопоставлен конечному в своем бытии писателю, которому грозит наказание за имитацию жизни.

Герой может открыть в себе Читателя в Оптиной Пустыни, причем слово «пустынь» приобретает гностическую трактовку, становится первозданной пустотой, кеномой, в которой начинает твориться Вселенная.

Снятие оппозиции необходимо для достижения целостности, полноты бытия, достигаемой через примирение Создателя и создания. У В. Пелевина развязка иная: Т. дарует миру целостность, одержав победу над Ариэлем. Антиномия Демиурга проявляется в финале романа: постмодернистская игра слов вновь дискредитирует образ мощного Создателя мира. Ариэля, чье имя переводится как «Великий Лев», съедает кот – такова парадоксальная развязка.

В романе В. Пелевина «Т» образ гностического Демиурга трансформируется под влиянием постмодернистской эстетики, в частности идеи деконструкции и представления о мире как тексте Ж. Дерриды. Акт творения мира Демиургом восходит к традиции Василида: создание из ничего, *O creation ex nihilo*. Отношения между Творцом и творением можно проследить в аналогии с юнгианской версией истории Иова: для подтверждения существования Бога нужен воспринимающий субъект.

Странствия Т. подобны пути мифологического героя, через смерть и подвиг которого наступает благодатное обновление мира. Путешествие в Оптину Пустынь – вершина духовных мытарств и возможность открыть в себе вечного Читателя. Слово «пустынь» вызывает ассоциацию с гностической кеномой, где скрыты множества возможностей реализации идеального мира.

Список литературы

1. Афонасин Е.В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. – СПб., 2002.
2. Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая. – М.: АСТ, 2013.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000 URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/derrida/derrida-grammatologie.htm> (дата обращения 18.05.2015).
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
5. Карсавин Л.П. Василид, Валентин, Маркион/ Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя церкви URL: sedmitza.ru (дата обращения: 01.05.2015).
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн.1 – М.:

ООО «Изд-во «АСТ», 2000.

7. Пелевин В.О. Т. – М.: Эксмо, 2009.

8. Юнг К.Г. Ответ Иову URL: http://royallib.com/read/yung_karl/otvet_iovu.html#0 (дата обращения: 15.06.2015).

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Егорова Л.П., д.фил.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.